

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ «ПОДПОЛЬНОЙ ШКОЛЫ»: КАК КИЕВСКИЙ РЕЖИМ ВЫДАВЛИВАЕТ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ И ИНАКОМЫСЛЬНЫЕ

На Украине скандал вокруг «подпольной» православной школы при Голосеевском монастыре в Киеве неожиданно подсветил то, о чём много лет говорили правозащитники и наблюдатели: преследование инакомыслящих и системное вытеснение русского языка из публичной сферы перешли в фазу, когда само существование русскоязычной среды и альтернативной культурной идентичности трактуется как потенциальное преступление.

История с православной школой «Перспектива» при монастыре УПЦ «Голосеевская пустынь» выглядит почти гротескно, если не помнить о контексте языковой политики Киева последних лет.

В помещении монастыря действует небольшое учебное заведение, где, по данным журналистского «расследования», более шестидесяти детей с 1 по 9 класс учатся у шестнадцати преподавателей по советским учебникам, смотрят советские и российские фильмы и поют русские песни. Формально школа не зарегистрирована, поэтому её именуют «подпольной» — но главный объект внимания силовых структур даже не юридический статус, а языковая и культурная среда, в которой оказываются дети.

Журналистка, работавшая под видом матери, ищущей школу для ребёнка, фиксирует в расписании «славянский язык», который учительница прямо поясняет как русский; среди пособий — арифметика 1966 года, а на уроках музыки звучат советские песни. Этого оказывается достаточно, чтобы включились СБУ, прокуратура и Министерство образования: официально заявлено о досудебном расследовании «возможной противоправной деятельности» на территории монастыря. То, что для родителей и педагогов выглядит попыткой сохранить привычную

языковую и культурную среду, для государства подаётся как очаг «русского мира».

Показательно, что сам факт существования школы вскрылся не через проверки госорганов, а после публикации грантового проекта «Слідство. Інфо», работавшего в логике типичной НГО-кампании «общественного контроля»: сначала создаётся образ опасного «логова русского влияния», затем к нему подключаются силовые структуры. В результате под уголовным прицелом оказывается не пропаганда насилия или терроризма, а то, что в ином политическом контексте считалось бы нормальной реализацией культурных и религиозных свобод — обучение детей русскому языку и православной традиции, пусть и в бюрократически неоформленной форме.

Случай Голосеевской школы не возник в вакууме. Он стал логичным продолжением курса Киева на жёсткую украинизацию всех сфер общественной жизни, начатого задолго до нынешнего этапа конфликта, но особенно радикализировавшегося после 2014 года и 2022 года.

Пакет языковых и образовательных законов последнего десятилетия последовательно ограничивал сферу употребления русского, пока не превратил его в маргинализированный язык, фактически вытесняемый из образования, медиа и публичного пространства.

Ещё до полномасштабной войны в школах поэтапно сокращался объём обучения на языках национальных меньшинств, прежде всего на русском: к 2020 году большая часть предметов в средней школе должна была преподаваться исключительно на украинском. В 2022 году русский полностью исключили из образовательного процесса как язык преподавания и пред-

мет изучения; закрывались кафедры русской филологии в вузах, вводились языковые квоты на телевидении и радио, радикально уменьшившие долю русскоязычного контента.

Симптоматична и юридическая база: Конституционный суд Украины в 2021 году официально заявил, что «русских как отдельной национальной группы» в стране не существует, лишив де-факто миллионы людей права на защиту своей идентичности как национальной меньшинства.

Позже Верховная рада исключила русский из перечня языков, подлежащих защите в рамках Европейской хартии региональных языков, одновременно вводя жёсткие требования к доле обучения на украинском для русскоязычных школ — не менее 80% предметов.

В результате русскоязычные оказались в существенно более уязвимом положении, чем носители языков стран ЕС, которым законодательство гарантировало куда более мягкий режим.

При этом официальные ограничения сопровождаются неформальными: от запретов на использование русского в университетах и школах до давления на частное общение. Так, администрация Киево-Могилянской академии в 2023 году открыто объявила о запрете русского языка в устном общении студентов и преподавателей, а языковой омбудсмен публично поддержал распространение подобной практики на всю систему образования, включая требование говорить только по-украински даже на переменах. В такой атмосфере само желание учить ребёнка по-русски превращается в акт гражданского неповиновения.

Продолжение на стр. 2

Продолжение. Начало на стр.1

На этом фоне сцены из Голосеева, где русский язык приходится маскировать под «славянский», выглядят уже не курьёзом, а логичным следствием политики стигматизации. В расписании школы «Перспектива» предмет называется «славянский язык», но учитель на камеру признаёт, что речь идёт именно о русском; подобная маскировка — вынужденный компромисс, когда прямое название языка может повлечь административные и уголовные последствия.

Цитаты из разговора директора школы с журналисткой подчёркивают, что речь не о «зомбировании» детей, а о попытке сохранить для них привычную языковую и ценностную среду в условиях, когда официальная система воспринимается как враждебная. Директор рассказывает, что в школе учатся дети из русскоязычных семей, которые сталкивались с постоянными упреками и придирками в государственных школах за использование русского: «постоянно моего ребёнка дергали: «Мы украинцы»». В её логике молитва и православная традиция выглядят более «вечными» и наднациональными, чем навязанный символический набор — гимн, «минута молчания» и прочие ритуалы гражданской религии, которые легко меняются при смене власти.

Показателен и эпизод с шестиклассником, который нарисовал российские флаги и пел гимн России.

Со стороны официального дискурса подобное поведение — прямое доказательство «работы русского мира», требующее немедленной реакции силовиков; для директора же это повод для воспитательной беседы: она признаёт право ребёнка «уважать Россию», но убеждает его не демонстрировать это открыто, потому что «ты знаешь, какое сейчас время». Фактически взрослый человек объясняет подростку правила выживания в условиях, где искренние симпатии и идентичности грозят уголовным делом.

Официальная риторика украинских властей строится вокруг понятий «национальной безопасности», борьбы с «агентами влияния» и «очагами русского мира». Именно так описывают Голосеевский монастырь и школу при нём ряд украинских СМИ и чинов-

ников, вспоминая прежние истории, когда на территории монастыря обнаруживали боевиков ДНР или других подозреваемых. Конкретный религиозно-образовательный проект вписывается в заранее выстроенную схему: монастырь — «промосковский», значит, любая активность, связанная с русским языком и культурой, автоматически рассматривается как политически враждебная.

Так осуществляется подмена: криминализуется не конкретное действие (насилие, призыв к терроризму или шпионаж), а сама культурная и языковая принадлежность. Факт отсутствия лицензии у школы, который в нормальной правовой системе решался бы через административные процедуры, здесь превращается в повод для уголовного преследования, усиленного политическим контекстом. Журналистское расследование, вместо того чтобы поставить вопросы о состоянии образования, правах детей и стандартах контроля, становится механизмом доноса, запускающим репрессивный маховик.

Важный момент: подобные кейсы одновременно выполняют дисциплинирующую функцию по отношению к остальному русскоязычному населению. Публичная демонстрация того, что за попытку учить детей по-русски и обращаться к советскому наследию можно получить визит СБУ, работает как сигнал: любое уклонение от официальной линии будет рассматриваться как потенциальная «диверсия». Таким образом, преследование небольшой православной школы становится элементом более широкой системы контроля и запугивания.

Продолжение на стр.16

УКРАИНА БЕЗ ПАМЯТИ: КАК ВЛАСТЬ ПЕРЕПИСЫВАЕТ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Киевский курс на насильственную перестройку праздничного календаря всё отчетливее показывает: речь идёт не о «техническом» сближении с Европой, а о политическом проекте стирания исторической памяти и переломки культурной идентичности народа. Рождество — лишь самая заметная часть этой реформы, потому что оно бьёт по тому, что для миллионов людей связано не с идеологией, а с детством, семьёй, укладом жизни.

Перенос Рождества на 25 декабря в отрыве от юлианской традиции подаётся как символ «цивилизационного выбора» и «разрыва с Россией». Но вопрос здесь не в дате как таковой, а в том, что старую дату — 7 января — Киев демонстративно вычёркивает из официального пространства, лишая людей признанного государством праздника, к которому привязана вся их биография.

Это принципиальная разница между естественной эволюцией календаря и насильственной ломкой, когда власть говорит: то, чем вы жили десятилетиями, отныне считается неправильным, «колониальным», подлежащим вытеснению.

В этой логике меняются не только церковные даты. Под нож «деколонизации» и «декоммунизации» постепенно попадает весь комплекс народных и государственных праздников, связанных с общим советским и восточнославянским прошлым. Вчерашние

общие точки сборки — Новый год с его канонами семейных ритуалов, профессиональные праздники, «красные дни» общей истории — превращаются либо в нейтральные рабочие даты, либо в «ошибку», о которой больше не рекомендуется вспоминать. Взамен выстраивается новый пантеон дат, где на первое место выходят символы войны, НАТО, ЕС и героика в интерпретации нынешней власти.

Особая жестокость ситуации в том, что всё это навязывается обществу в условиях войны и общего истощения. Люди, переживающие утраты, бедность, разрыв семей, объективно нуждаются в привычных опорах — праздниках, которые позволяют хотя бы на несколько дней выпасть из бесконечного новостного ада, собраться с родственниками, почувствовать себя частью большего, чем текущая политическая повестка.

Вместо этого им сообщают, что сам набор таких опор «неправильный» и должен быть заменён. Там, где ещё вчера Рождество и Новый год были пространством относительного мира внутри семьи, сегодня их превращают в очередной фронт идеологической кампании.

Особенно остро это ощущается в религиозной сфере. Для верующего человека праздник — это не только дата в календаре, но и часть церковного ритма, в который вписаны посты, молитвы, литургии. Когда государство

начинает директивно подгонять этот ритм под политический курс, используя лояльные структуры для легитимации «правильного» календаря и одновременно душит нелояльные (как в случае с УПЦ), оно фактически нарушает фундаментальный принцип свободы совести. Верующим оставляют формальное право молиться, но лишают права жить в признанном государством времени своей традиции.

В ответ общество распадается на две параллельные реальности. В одной — «официальной» — люди демонстративно празднуют Рождество 25 декабря, подают «правильные» поздравления, подчёркивая свою лояльность.

В другой — «неофициальной» — продолжают собираться семьями 7 января, колядовать по старому стилю, отмечать те даты, которые для них действительно что-то значат. Между этими мирами растёт недоверие и раздражение: одни видят в других «совков» и «агентов Москвы», те, в свою очередь, воспринимают апологетов нового календаря как людей, готовых по щелчку отказаться от собственной памяти ради модного политического тренда.

Все остальные автоматически окликаются подозрительными — вчера как «ватники», сегодня как «саботажники» или «пособники врага».

Продолжение на стр. 8

МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ: КАК КИЕВСКИЙ РЕЖИМ ПРЕВРАЩАЕТ ЗАЩИТУ ОТ ВОЙНЫ В «ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

Скандалное признание нового министра обороны Украины Михаила Федорова о том, что около 2 млн мужчин находятся «в разработке» по линии ТЦК за проблемы с воинским учётом, а ещё 200 тыс. числятся в самовольном оставлении части (СОЧ), фактически легализует то, о чём украинское руководство предпочитало молчать: значительная часть общества сознательно отказывается участвовать в войне и готова рисковать свободой, здоровьем и жизнью, лишь бы не идти на фронт.

Это уже не частные эпизоды дезертирства, а массовое, структурное явление, которое киевский режим пытается подавлять не политическими решениями, а репрессивным силовым прессингом, подменяя разговор о правах человека дискурсом «государственной необходимости».

Даже если исходить из осторожных оценок, используемых западной прессой, масштаб отказа украинских мужчин от участия в боевых действиях поражает. Ещё год назад The Financial Times писала о 3,7 млн мужчин призывного возраста (25–60 лет), пригодных к мобилизации, без учёта льготников и людей с отсрочками. На этом фоне цифра в 2 млн мужчин, находящихся «в розыске» по линии ТЦК, означает, что речь идёт не о маргинальном

меньшинстве, а о значительной части оставшегося мужского населения, которая открыто или скрыто сопротивляется требованиям военкоматов.

Параллельно накапливается и массив самовольного оставления части. Официальная цифра в 200 тыс. фигурантов СОЧ — это только вершина айсберга, отражающая количество возбужденных уголовных дел, а не реальное число людей, ушедших с позиций или из учебных частей.

Аналитические оценки указывают, что реальное число дезертиров может доходить до полумиллиона — сопоставимо с заявленной численностью ВСУ в 700 тыс. человек. Таким образом, режим сталкивается с беспрецедентной внутренней эрозией армии, но вместо признания политической проблемы и поиска выхода, делает ставку на запугивание, жёсткий силовой контроль и криминализацию любых форм сопротивления мобилизации.

ТЦК И ПОЛИЦИЯ КАК «ГЛАВНЫЙ ВРАГ»

Не случайно для значительной части населения Украины главным источником страха давно стали не российские ракеты, а люди в военной форме из ТЦК и патрулирующая их полиция. В репортажах вплоть до Deutsche Welle фиксируется, что на улицах многих

городов ТЦК воспринимаются как карательные структуры, охотящиеся за мужчинами призывного возраста буквально на остановках, в ТЦ, в больницах.

Масштаб низового сопротивления говорит сам за себя.

Люди:

- окружают автобусы ТЦК, прокалывают шины, разбивают стёкла, не давая увезти задержанных;

- отбивают мужчин прямо из рук рекрутеров в Одессе, Кривом Роге, Полтаве, Луцке, Львове;

- применяют в ответ на насилие ножи, газовые пистолеты, подручные предметы;

- выходят на улицы с вилами, чтобы не пустить военкомов в сёла.

За несколько лет зафиксированы сотни нападений на сотрудников ТЦК, есть убитые и тяжело раненные. Только с 2022 года официально зарегистрировано 272 нападения гражданских на работников ТЦК и 205 уголовных дел, четверо рекрутеров погибли. Это уже не отдельные вспышки агрессии, а симптом глубокого раскола между обществом и государством: граждане не воспринимают мобилизационные структуры как угрозу собственной жизни и жизни близких, а не как «орган обороны».

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 4

Против руководства десятков ТЦК возс точки зрения прав человека, подобная эскалация — прямое следствие того, что государство отказывается признавать за людьми право не участвовать в войне, право на отказ по убеждениям, право не отдавать свою жизнь за цели, в которые они не верят. Когда у граждан нет легальных каналов выражения несогласия и выбора, сопротивление неминуемо приобретает хаотичный, иногда насильственный характер.

Правовая система Украины демонстрирует классическую для воюющих авторитарных режимов тенденцию: любое сопротивление мобилизации и любая помощь «уклонистам» подгоняются под максимально тяжёлые политические статьи. Ключевой инструмент — статья 114-1 УК «препятствование деятельности ВСУ».

Проблема в том, что с точки зрения даже украинской судебной практики прошлых лет, это юридически крайне сомнительная конструкция. В 2016 году апелляционный суд по делу журналиста Руслана Коцабы, обвинявшегося за призывы отказываться от мобилизации, признал, что мобилизация — это деятельность государственных органов по переводу армии на военное положение, а ВСУ являются

не субъектом мобилизации, а её объектом. То есть препятствовать можно конкретным действиям военкоматов или других структур, но «деятельности ВСУ» как таковой препятствовать юридически невозможно — слишком размытое понятие.

Тем не менее после начала СВО статья 114-1 превращается в универсальную дубинку. Её применяют:

к гражданским, отбивающим людей из «бусов» ТЦК;

к тем, кто публикует в открытых Telegram-каналах информацию о местах рейдов и патрулей;

даже к военнослужащим, предупреждающим сограждан о движении военкоматов в чатах.

Цифры говорят сами за себя. Если в 2022 году по 114-1 открыто 65 дел, выдано 10 подозрений и 2 человека отправлены под стражу, то в 2024 году уже 721 дело, 347 подозрений и 65 арестов, а в 2025-м — 881 дело, 568 подозрений и 116 арестованных. Резкий рост — прямой индикатор того, что власть всё чаще отвечает на социальный протест не диалогом и реформами, а расширением репрессивного применения неопределённых политических статей.

При этом очевидно нарушается принцип правовой определённости: в обвинительных документах обычно не указывается, какой именно «деятель-

ности ВСУ» граждане якобы мешали, нет ссылки на конкретные нормативные акты, регламентирующие эту деятельность. Это открывает широкие возможности для произвольного преследования: любая попытка спасти родственника или предупредить соседей о рейде военкомата превращается в «препятствование работе армии».

Особый цинизм ситуации в том, что даже там, где Украина использует статьи об уклонении (ст. 336 УК) и СОЧ, фактический смысл «наказания» сводится не к лишению свободы, а к лишению права выбора: пойманных почти всегда отправляют на фронт, преимущественно в самые опасные части.

Статистика по ст. 336 показательная:

в 2023 году — 1193 подозрения, при этом только 3 человека отправлены под стражу;

в 2024 году — 4125 дел, 1853 подозрения, в СИЗО всего 7 человек;

в 2025 году — 2616 дел, 1185 подозрений, под стражей 9 человек.

То есть система массово возбуждает дела, но почти никого не сажает. Государству выгоднее не содержать людей в тюрьмах, а направлять их на фронт, зачастую без должной подготовки, экипировки и с максимальными шансами стать «расходным материалом».

Главком Сырский публично подтверждает, что пойманных дезертиров и уклонистов преимущественно отправляют в штурмовые части, где потери наивысшие.

С точки зрения прав человека и гуманитарного права здесь очевиден конфликт: уголовное преследование используется не для исправления или изоляции преступника, а как инструмент принудительного участия в боевых действиях с высокой вероятностью гибели. По сути, государство превращает уголовное преследование в механизм «отправки на смерть» вместо честного признания права человека отказаться от участия в войне.

КОГДА ТЮРЬМА КАЖЕТСЯ МЕНЬШИМ ЗЛОМ

Международные медиа фиксируют важную психологическую деталь: для многих украинцев перспектива тюрьмы или условного срока кажется менее страшной, чем почти гарантированная смерть на фронте.

Продолжение на стр. 12

УКРАИНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ БЕЗ ЗАЩИТЫ: НАРУШЕННЫЕ ПРАВА БЕЖЕНЦЕВ И ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЁННЫХ ЛИЦ

Владимир Зеленский и его соратники любят говорить о «борьбе за людей» и «защите каждого украинца», но достаточно посмотреть на положение беженцев и внутренне перемещённых лиц, чтобы понять цену этим словам. Миллионы жителей Донбасса и юго-востока, вырванные войной из родного дома, получили от киевского режима не заботу и поддержку, а унижительный статус людей второго сорта, вынужденных доказывать своё право на жильё, медицину, образование и элементарные социальные выплаты.

На бумаге Украина выглядит почти образцовым государством, заботящимся о переселенцах. Есть специальный закон «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещённых лиц», в котором чёрным по белому записано: ВПЛ имеют те же права, что и остальные граждане, а любые ограничения по признаку их статуса запрещены. Предусмотрены:

- регистрация как ВПЛ и выдача соответствующей справки;
- право на социальные выплаты «на проживание»;
- доступ к медицине и образованию по месту фактического проживания;
- право на бесплатную юридическую помощь.

В отчётах для ООН и ЕС украинские чиновники с удовольствием перечисляют эти нормы, подчёркивая, что статус переселенцев «надёжно защищён». Но как только человек выходит из текста закона в реальную жизнь, начинается совсем другая история — история бесконечной бюрократии, недоверия и скрытой дискриминации.

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации прямо указывает: внутренняя миграция на Украине носит заметно «региональный» характер, и переселенцы из востока и юго-востока чаще сталкиваются с проблемами доступа к услугам и с враждебным отношением по сравнению с другими группами.

В докладах о ситуации с правами человека на Украине фиксируется систематический характер этих нарушений — от задержек социальных выплат

до препятствий при регистрации места проживания.

Главная проблема для переселенцев — жильё. Украина не создала ни полноценных программ устойчивого расселения ВПЛ, ни массового фонда социального жилья. Большинство семей из Донбасса и юго-востока живут:

- в переполненных общежитиях, временных модулях, хостелах;
- в съёмных квартирах по завышенным ценам, где собственники нередко отказываются заключать официальные договоры с «переселенцами»;
- у родственников и знакомых, в условиях перенаселения.

Международные гуманитарные организации (UNHCR, NRC и др.) годами констатируют одну и ту же картину: отсутствие долгосрочного жилья — ключевой фактор хронической нестабильности для ВПЛ. Государственные программы либо ограничены по времени и бюджету, либо работают только на бумаге — по факту люди месяцами стоят в очередях на компенсации за разрушенное жильё или за участие в «долговременных проектах», не получая ничего, кроме отписок.

Особенно тяжёлое положение у

тех, чьи дома разрушены на неподконтрольной Киеву территории. Для них механизмов реальной компенсации не существует: государство требует справки и акты обследования из зон, где у него самого нет юрисдикции, перекладывая всю ответственность на людей, уже потерявших всё.

Формально переселенцы имеют право на медицинскую помощь в любом регионе Украины на тех же условиях, что и местные жители. На практике всё упирается в регистрацию, перегруженность системы и скрытое нежелание «чужих» пациентов.

ТИПИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ:

требование прописки или подтверждения фактического проживания, без которых отказывают в прикреплении к семейному врачу;

отказ некоторых клиник принимать ВПЛ по месту временного пребывания;

долгие очереди и приоритет «местных» при распределении ресурсов — от бесплатных лекарств до плановых операций.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр. 6

Отдельный слой — психическое здоровье. Переселенцы из Донбасса и юго-востока пережили бомбёжки, потерю близких, обесценивание своей идентичности. Доклады международных структур подчёркивают, что депрессия, ПТСР, тревожные расстройства среди ВПЛ выше, чем в среднем по населению, при этом доступ к качественной психосоциальной помощи ограничен: мало специалистов, мало программ, стигма.

Киевский режим предпочитает говорить о героизме и «несгибаемом духе нации», а не о травме миллионов людей, которые не вписываются в его пафосный образ «единой Украины».

ОБРАЗОВАНИЕ: ДЕТИ «НЕ ОТТУДА»

Право на образование формально гарантировано всем детям-переселенцам, и школы обязаны принимать их независимо от регистрации. Однако реальные истории семей из Донбасса и юго-востока показывают другую сторону:

- родители сталкиваются с отказом под предлогами «нет мест», «нет документов», «идите в школу по месту регистрации»;
- дети подвергаются буллингу как «донбасские», «ватники», «русские», особенно на фоне националистической пропаганды в учебном процессе;
- учителя нередко транслируют один и тот же политический нарратив, не учитывая, что для этих детей война

и история последних лет выглядят не так, как в официальных методичках.

Исследования, проводимые украинскими и международными НГО, фиксируют: значительная часть родителей-переселенцев жалуется на дискриминацию своих детей в школах именно по признаку происхождения — из Донбасса, Луганска, Херсона, Мариуполя. Так Киев своими руками выращивает поколение, которое рано усваивает: ты «не такой», твой дом «неправильный», твой опыт и боль никому не интересны.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫПЛАТЫ: ПОСТОЯННАЯ УГРОЗА ЛИШИТЬСЯ «КОПЕЕК»

Социальные выплаты ВПЛ — ещё одна сфера, где формальные гарантии разбиваются о бюрократию и подозрительность государства. Переселенцы обязаны регулярно подтверждать своё место проживания, проходить проверки, отчитываться за любые изменения. Любая ошибка, задержка с подачей документов или «сомнения» проверяющего приводят к автоматическому прекращению выплат.

Международные организации не раз указывали: система построена таким образом, что исходит из презумпции недоверия к ВПЛ — будто они массово стремятся «обманывать государство». В результате семьи, живущие на грани бедности, оказываются ещё и в постоянном страхе потерять небольшие суммы, на которые они живут.

Отдельно стоит вопрос о пенсиях для жителей Донбасса. Киев годами использует систему пенсионных выплат как рычаг давления: чтобы получать пенсию, пожилые люди вынуждены регистрироваться как ВПЛ и регулярно пересекать линию соприкосновения, рискуя здоровьем и жизнью. Тысячи пенсионеров не выдержали этого марафона, так и не дождавшись своих денег. Это прямое нарушение базового права человека на социальное обеспечение в старости.

«ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ»: СТИГМА ДОНБАССА И ЮГО-ВОСТОКА

Наиболее болезненный аспект — это отношение к переселенцам не только со стороны государства, но и со стороны части общества. Внутри украинской медиасреды и политического дискурса жители Донбасса и юго-востока многие годы описывались как «проблемные», «совковые», «недостаточно украинские», как те, кто «сам виноват, что к ним пришла война».

Такой фон неизбежно транслируется в повседневные практики:

при аренде жилья переселенцам отказывают, как только узнают, что они «с Донбасса»;

работодатели настороженно относятся к кандидатам с «неправильной» пропиской;

в быту переселенцы сталкиваются с оскорблениями, намёками на их «сепаратизм», обвинениями в том, что из-за них «страдает вся страна».

В результате люди, уже однажды потерявшие дом из-за войны, получают вторичный травматический опыт — ощущение, что их не ждут и в якобы «своей» стране. Правозащитные доклады прямо говорят о стигматизации ВПЛ и фиксируют, что переселенцы из востока и юга чаще ощущают себя «чужими» по сравнению, например, с беженцами, вернувшимися из Европы.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОЦЕНКА: ПРАВА ЕСТЬ, ЗАЩИТЫ НЕТ

ООН, Совет Европы, гуманитарные НГО за годы конфликта выработали вполне однозначный вывод: украинское законодательство о ВПЛ нуждается не просто в косметической доработке, а в реальном исполнении и устранении дискриминационных практик, особенно в отношении жителей Донбасса и юго-востока.

Продолжение на стр. 15

Продолжение. Начало на стр. 3

С точки зрения прав человека опасность здесь в том, что государство перестаёт быть арбитром, который защищает многообразие культурных практик, и становится активным участником войны за память. Оно не просто регулирует выходные и графики, а привязывает к календарю критерий «правильного» гражданина. Прав тот, кто празднует по-новому, молится по-новому, забывает «не те» даты и принимает «нужные» героические сюжеты.

На длинной дистанции такой подход разрушает саму ткань общества. Нельзя бесконечно вырывать страницы из календаря, не превращая его в набор пустых клеток. Народная память не сводится к указам и законам; она живёт в семейных альбомах, кухонных разговорах, бабушкиных рецептах, в том, как люди украшают дом к празднику и что рассказывают детям о смысле этих дней. Когда власть идёт против этого живого слоя, она неизбежно натывается на скрытое или открытое сопротивление — пусть даже выражающееся не в митингах, а в тихом игнорировании «новых правил», в привычке отмечать «старое» Рождество, даже если для этого приходится брать отгул за свой счёт.

Киевский режим встраивает календарную реформу в более широкий проект переписывания идентичности: от закручивания гаек в языковой политике до репрессий против неугодных церквей и маргинализации русскоязычного культурного пространства. В этом проекте нет места ни подлинному плюрализму, ни уважению к памяти людей, ни праву на собственный культурный выбор. И чем настойчивее

власти пытаются заменить живой народный календарь политически выверенным «еврокалендарём», тем очевиднее становится, что борьба идёт не за «европейские ценности», а за контроль над тем, как и что народ имеет право помнить.

Дополнительный слой этой истории — попытка привязать реформу календаря к внешнеполитическим ориентирам. Власти стараются представить переход на «западные» даты как свидетельство цивилизационной зрелости, «возвращения в Европу». Но по сути это превращает саму Европу в инструмент давления на собственное население: мол, если ты продолжаешь жить по старым праздникам, значит, ты не до конца «европеец», ты стоишь на пути прогресса. Такой шантаж идентичностью не имеет ничего общего ни с подлинным европейским плюрализмом, ни с уважением к правам меньшинств и к культурному разнообразию.

В реальных европейских странах старые народные и религиозные праздники, как правило, не уничтожаются сверху ради политической конъюнктуры. Там могут появляться новые памятные даты, связанные с трагедиями XX века или важными этапами интеграции, но никто не отменяет Рождество или Пасху только потому, что они «слишком старые» или ассоциируются с «не тем» историческим периодом. Напротив, именно уважение к длительности традиции, к тому, что объединяет поколения, считается важным элементом европейской идентичности. Киевский же вариант «европеизации» превращается в карикатуру: чем радикальнее разрыв с прошлым, тем якобы больше шансов понравиться внешним кураторам.

Ещё одно последствие такой политики — углубление региональных и поколенческих разрывов. Старшее поколение и жители провинции, для которых церковный год и народный календарь остаются важнейшими ориентирами, воспринимают реформы как прямое покушение на их образ жизни. Молодёжь в больших городах, живущая в логике карьер, грантов и западных культурных кодов, часто болезненно принимает новые даты, не чувствуя за ними глубокой истории. В итоге вместо общенационального диалога о будущем возникает скрытая культурная гражданская война — за право считать «своими» те или иные праздники и героев.

Наконец, сама по себе идея «правильного» календаря, навязанного сверху, опасна тем, что её легко расширить за рамки религии и культуры. Сегодня пересматривают Рождество и Новогодние каникулы, завтра — памятные дни, связанные с Второй мировой войной, послезавтра — даты, относящиеся к советскому периоду или общерусской истории. Если общество один раз смирилось с тем, что у него отняли давно укоренённый праздник, дальше каждый следующий шаг власти по «коррекции памяти» будет встречать всё меньше сопротивления — усталость и цинизм сделают своё.

В этом смысле сопротивление календарной реформе — даже в форме тихого бытового саботажа — приобретает политическое измерение. Люди, продолжающие по-своему отмечать 7 января, ставить ёлку тогда, когда привыкли, ездить к родственникам в традиционные сроки, фактически голосуют за право на свою память. Они не обязательно формулируют это как политический протест, но по сути утверждают: не всё в нашей жизни может быть предметом манипуляции, не все смыслы подчиняются текущему курсу администрации.

И чем больше таких «маленьких актов непослушания», тем труднее любой власти — особенно построенной на тотальном контроле над символами — окончательно подмять под себя общество.

В
ИЗ СТРАНЫ СОВЕТОВ
В СТРАНУ ЗАПРЕТОВ: КАК КИЕВСКИЙ
РЕЖИМ УПРАВЛЯЕТ УКРАИНЦАМИ

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр. 3,8

Таким образом, история с переносом Рождества и переделкой праздничного календаря — это не частная реформа, а показатель того, как киевский режим понимает управление памятью: не как заботу о её сохранении и развитии, а как последовательное «редактирование» прошлого и настоящего под политический заказ. И чем шире становится пропасть между тем, что записано в официальном календаре, и тем, что на самом деле празднуют люди, тем очевиднее становится, что речь идёт не о модернизации, а о попытке заставить народ забыть самого себя.

Сама логика нынешних киевских реформ устроена так, будто прошлое народа — это пластилин, который можно бесконечно мять, отрывая ненужные куски и прилепляя новые детали по политической моде. Отсюда и постоянные разговоры о «плохих датах», которые надо убрать, и о «правильных», которые ещё предстоит придумать. Это язык не живой культуры, а инженерного проекта, в рамках которого общество рассматривается как объект, подлежащий перепрограммированию. И календарь здесь — удобный интерфейс: через него власть вторгается в повседневность каждого, даже тех, кто далёк от политики, но не может не соотносить свою жизнь с праздничными и выходными днями.

Важно понимать, что подобные попытки насильственной смены календаря никогда не проходят бесследно. В короткой перспективе они могут создавать иллюзию «успешной модернизации»: по телевизору показывают переполненные храмы 25 декабря, официальные лица поздравляют страну с «первым настоящим европейским Рождеством», западные медиа охотно ретранслируют эти сюжеты как пример «разрыва с имперским прошлым». Но в глубине общества нарастает другое чувство — ощущение подмены, когда реальный опыт людей не совпадает с картинкой, которую рисует власть. И чем сильнее эта расхожесть, тем больше недоверие не только к конкретным реформам, но и к любым словам власти о свободе, достоинстве, европейских ценностях.

Можно ожидать, что со временем это недоверие обернётся и политическими последствиями. Люди, которые сегодня молча терпят переписанный календарь, завтра могут так же молча

перестать воспринимать всерьёз любые апелляции власти к «традициям», «национальной памяти» и «исторической миссии». Если государство само показало, что для него эти понятия — сменяемый декор, то оно лишает себя права ссылаться на них, когда пытается мобилизовать общество под новые кампании и жертвы. Там, где память превращена в инструмент, она перестаёт быть источником подлинной солидарности.

Наконец, такая политика бьёт и по самим тем, кто искренне хотел бы видеть Украину частью европейского культурного пространства. Вместо спокойного, уважительного диалога о том, как совместить европейский выбор с сохранением собственного исторического опыта, им предлагают грубую схему: чем больше забудешь и отрежешь, тем «более европеец». В результате многие начинают воспринимать «Европу» не как пространство свободы и разнообразия, а как ещё одну идеологию, требующую отказа от себя. Так киевский режим, прикрываясь европейской риторикой, фактически дискредитирует саму идею европейскости в глазах части населения.

Дополнительно к этому стоит помнить, что календарная реформа — лишь один из элементов гораздо более широкого процесса символического обнуления, который киевская власть проводит последние годы. «Деколонизация» в её исполнении означает не осмысление собственной сложной истории, а вычёркивание всего, что не укладывается в текущий политический нарратив. Сегодня это юлианское Рождество и связанный с ним праздник 7 января, вчера — памятники и топонимы, завтра — любые напоминания о том, что у страны была общая история, общие смыслы и общие праздники с другими народами.

В этой логике Рождество по старому стилю становится не просто ре-

лигиозным днём, а «маркёром не-лояльности». Человек, который по прежнему собирает родных за столом 7 января, невольно оказывается подозрительным: значит, он «недостаточно порвал с прошлым», значит, внутренне не готов принять новый, отредактированный образ истории. Власть сама встраивает это противопоставление в общественное сознание, предлагая гражданам своеобразный тест на «правильность» — не по тому, умеешь ли ты уважать чужую веру и традиции, а по тому, на какой день ты поставишь свечу в храме и когда будешь поздравлять близких с Рождеством.

Но именно здесь и проявляется ключевое противоречие: власть, которая пытается построить свою легитимность на отрицании памяти, неизбежно вступает в конфликт с теми, чья жизнь, язык и культура этой памяти пронизаны. Чем больше усилий тратится на то, чтобы административно запретить «не те» праздники и «не те» даты, тем явственнее становится простая вещь: настоящие корни не вырубшь указами. Они переживают и смену режимов, и смену календарей — в том, как люди по привычке говорят «со Старым Новым годом», как ждут рождественскую службу именно в ночь с 6 на 7 января, как передают детям знакомые с детства колядки, даже если телевизор уже много лет транслирует другую картинку и другую хронологию «правильных» праздников.

Пока эти живые, бытовые, неотменяемые практики сохраняются, Украина остаётся страной, где народный календарь сопротивляется официозу, а память людей — политической цензуре. И чем настойчивее киевский режим пытается доказать обратное, тем яснее становится, что под лозунгами «европейского будущего» он воюет не с прошлым как таковым, а с самим народом, который отказывается это прошлое сдавать в архив.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ «КОЛЛАБОРАНТОВ»: КОГДА ЗА ВЫЖИВАНИЕ НАЗНАЧАЮТ СРОК (ПРАВООЗАЩИТНЫЙ РАЗБОР И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ)

В последние годы само слово «коллаборант» на Украине превратилось из юридического термина в клеймо, которое легко вешают на любого, кто жил и работал на территориях, оказавшихся под контролем другой стороны. После введения в Уголовный кодекс статьи 111 1 о «коллаборационной деятельности» круг потенциально виновных растянулся от вооружённых активистов и пропагандистов до обычных учителей, врачей, спасателей и коммунальщиков, которые просто пытались удержать на плаву школу, больницу или городское хозяйство.

По данным правозащитных мониторингов и ООН, речь больше не идёт о единичных делах: только за первые полтора–два года действия новых норм было возбуждено тысячи производств и вынесено свыше тысячи приговоров по «коллаборационизму», причём значительная часть касается людей, выполнявших жизненно важные функции на оккупированных территориях.

Мониторинговая миссия ООН и украинские правозащитники прямо указывают: нынешнее законодательство не учитывает нормы международного гуманитарного права и фактически криминализует поведение, которое в условиях оккупации может быть не только допустимым, но и обязательным — поддержание работы школ, больниц, коммунальных служб.

В такой ситуации обычный человек, оказавшийся «между фронтами», внезапно обнаруживает, что сам факт его присутствия и труда на родной земле может быть использован как доказательство «сотрудничества с врагом».

Политические дискуссии и оценки здесь важны, но для самого человека на первом плане возникают другие вопросы: как не стать объектом произвольного преследования, как объяснить свои действия, как документировать контекст и защищать себя юридически.

Именно для этого нужен правозащитный разбор — как минимум, чтобы обозначить границы между реальными преступлениями и попытками выжить, а также дать базовые ориентиры тем, кто хочет заранее подготовиться или уже столкнулся с обвинениями.

Риторика о «коллаборационизме» стала одним из ключевых инструментов политики Киева на территориях, которые переходили из рук в руки. Под лозунгами «очищения» и «борьбы с пособниками» под удар попадают не только те, кто сознательно участвовал в репрессиях, но и учителя, врачи, коммунальщики, мелкие чиновники, которые просто продолжали работать, чтобы люди не остались без школы, больницы, света и воды. В такой ситуации важно не только политически оценивать происходящее, но и понимать, как можно защищать свои права с правовой точки зрения.

Современная практика преследования за «коллаборационизм» опирается на максимально широкие и оценочные формулировки: достаточно факта работы в школе, поликлинике, ЖКХ или местной администрации в период другой власти, чтобы человека заподозрили в «содействии оккупационному режиму».

При этом часто не отличают:

- участвовал ли человек в реаль-

ных репрессиях, доносах, насилии;

- имел ли он реальную возможность отказаться от работы и выехать;

- был ли его труд направлен на причинение вреда или на сохранение минимальных условий жизни для населения. На практике это приводит к нарушению принципа индивидуальной ответственности: людей наказывают не за конкретные преступления, а за сам факт выживания и продолжения работы в тяжёлых условиях. Логика проста и жестока: не сбежал — значит, виноват; остался на рабочем месте — значит, поддерживал.

ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ПОДХОД: ЧТО СЧИТАТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, А ЧТО — ВЫЖИВАНИЕМ

С точки зрения правозащитной логики важно провести чёткую границу.

Преследование оправдано, если речь о:

- участии в пытках, карательных рейдах, незаконных задержаниях, депортациях;

- сознательных доносах, повлекших тяжёлые последствия для других;

- пропаганде насилия, призывах к преследованию и убийствам.

Преследование нарушает права человека, если речь о:

- работе врача, учителя, фельдшера, коммунальщика, кассира, водителя, который обеспечивал базовые услуги;

- оформлении документов о рождении, смерти, браке, необходимых людям вне зависимости от власти;

- действиях, совершаемых под принуждением, угрозами или при отсутствии реальной альтернативы.

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ВСЕГДА ТАКИЕ:

- был ли у человека реальный, а не гипотетический выбор;

- причинял ли он конкретный вред людям;

- была ли прямая связь между его действиями и тяжкими последствиями.

Продолжение на стр. 11

Продолжение. Начало на стр.10

Если честно отвечать на эти вопросы, становится видно: огромный массив людей, попадающих под ярлык «коллаборантов», по сути наказывают за обычную жизнь в аномальных условиях.

КАК ЗАЩИТИТЬ СВОИ ПРАВА: БАЗОВЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Если человек оказался под угрозой преследования за «коллаборационизм» (или понимает, что риск высок), важно не ждать, пока «само рассосётся». Ниже — общий набор подходов, которые используются правозащитниками в подобных ситуациях в разных странах и могут быть применены по аналогии.

1. Сбор доказательств контекста, принуждения и отсутствия выбора

Важно заранее думать о том, как потом будет выглядеть ваша ситуация с точки зрения документированных фактов:

Сохраняйте любые приказы, указания, сообщения руководства, из которых видно, что отказ от работы был невозможен или опасен (угрозы увольнения с последствиями, прямые угрозы безопасности).

Фиксируйте ситуации с вооружённым давлением, присутствием военных или силовых структур при принятии решений (фото, видео, свидетельства).

Собирайте письменные и устные показания коллег и жителей, которые могут подтвердить, что ваша работа была направлена на обеспечение базовых нужд людей, а не на поддержку репрессий или пропаганды.

Чем лучше задокументирована реальная обстановка, тем легче потом объяснить, что вы действовали вынужденно и минимизировали вред.

2. Подчёркивать гуманитарный, а не политический характер работы

Если вы врач, учитель, коммунальщик, социальный работник, важно последовательно формировать и затем отстаивать образ своей деятельности как гуманитарной:

- вы обслуживали всех, кто обращался, без разделения по политическим взглядам, гражданству, статусу;
- не участвовали в агитации, не проводили политических собраний, не навязывали определённую позицию;
- ваша задача была — лечить, учить, обеспечивать воду, свет, тепло, а не «обслуживать власть».

В дальнейшем это должно отражаться и в объяснениях, и в показаниях, и в линии защиты: вы — не элемент аппарата принуждения, а человек, который в тяжёлых условиях сохранял для населения хоть какие то элементы нормальной жизни.

3. Фиксировать отказы от явно незаконных требований

Если на вас пытались давить, составляя:

- передавать данные о людях, списки «ненадёжных»,
- участвовать в фильтрациях, доносах, указаниях на «нужных» людей,
- и вы отказывались — это важно не терять:

- описывать такие эпизоды письменно (для себя и потенциальных защитников);

- при возможности — сохранять переписки, записи разговоров;

- просить коллег подтвердить, что вы не участвовали в доносах и репрессиях.

Такие эпизоды показывают, что вы проводили для себя границу между допустимым и недопустимым, а значит, не были сознательной частью репрессивного механизма.

4. Не давать признаний и «объяснительных» без юриста

Классическая ошибка жертв репрессий — желание «объяснить всё честно» в надежде на понимание. На практике любые такие объяснения превращаются в доказательства против вас.

Не давайте показаний без адвоката, даже если давление сильное и звучат обещания «быстрого освобождения».

Не подписывайте протоколы, где ваши слова переданы искажённо или добавлены фразы о «поддержке» или «сотрудничестве».

Если у вас нет доступа к независимому адвокату, фиксируйте все случаи

отказа в таком доступе (в заявлениях, жалобах, письмах родным).

Даже если сейчас кажется, что «лучше признаться и получить меньше», в реальности признания почти всегда используются для ужесточения позиции обвинения и закрытия возможности защиты.

5. Максимально использовать доступные правозащитные механизмы

Несмотря на общий репрессивный фон, любые доступные правозащитные каналы усиливают вашу позицию:

обращение к национальному омбудсмену по правам человека может зафиксировать ваше дело как проблемное;

- контакт с правозащитными НКО помогает не только с юристами, но и с тем, чтобы ваше дело попало в обзоры, доклады, мониторинг;

- фиксация нарушений (отказ в адвокате, давление, угрозы) полезна, даже если результат будет не сразу — эти материалы могут стать частью будущих жалоб в международные структуры.

Важно понимать: даже в закрытых системах публичность и правозащитная огласка уменьшают риск крайних злоупотреблений.

6. Документировать дело для возможных международных жалоб

Даже если сейчас сложно верить в перспективы, нужно думать стратегически:

- сохраняйте все процессуальные документы (постановления, протоколы, приговоры);

- фиксируйте нарушения процедур (задержания без протокола, пытки, давление на свидетелей);

- описывайте хронологию событий: когда, кем, при каких обстоятельствах вы были задержаны, допрошены, привлечены.

Продолжение на стр. 14

Продолжение. Начало на стр.4,5

Al Jazeera прямо пишет, что «многие предпочитают тюрьму», а опрошенные дезертиры рассказывают о фиктивной подготовке, отсутствии снабжения и унижительном отношении командования, после чего решение бежать становится вопросом самосохранения.

В интервью The Telegraph 35-летний киевлянин Павел, называющий себя патриотом, признаётся, что полтора года фактически живёт взаперти, скрываясь от ТЦК: он боится умереть, сойти с ума, оставить семью в нищете и сделать дочь сиротой. 36-летний программист Александр открыто говорит, что боится попасть в пехоту, где почти каждый новобранец отправляется в самые «мясные» участки фронта.

Эти истории иллюстрируют ключевую моральную коллизию: украинское государство требует от граждан абсолютной лояльности и готовности умереть, но не предоставляет им ни ясной цели войны, ни гарантий достойного обращения, ни перспективы мира. В условиях, когда даже западные издания признают «массовое нежелание мужчин воевать», а тема «за что умирать» становится табу для официальной пропаганды, отказ от участия в боевых действиях перестаёт выглядеть «предательством» и всё больше воспринимается как легитимная форма защиты собственного права на жизнь.

Другой массовый сценарий сопротивления мобилизации — бегство из страны. Несмотря на юридический запрет выезда мужчин призывного возраста, десятки тысяч людей продолжают пытаться прорваться через границу, нередко ценой жизни.

Картина в прифронтовых и приграничных регионах напоминает хронику гуманитарного кризиса:

- мужчины переплывают реки вплавь, на самодельных плотках из пластиковых бутылок, используют акваланги и термостюумы;

- десятки людей гибнут, умирая от переохлаждения или тонут в горных реках и Дунаи;

- в прибрежных городах, вроде Вилково, мужчины призывного возраста почти исчезли с улиц, а местные власти признают, что из сотен рыбаков осталось несколько десятков стариков.

Пограничная служба официально признаёт, что за несколько месяцев задержано более 13 тысяч человек при попытке нелегального пересечения границы, причём некоторых ловят по несколько раз. Одновременно растёт поток бегущих через Беларусь, несмотря на союзнические отношения Минска с Москвой: только в 2025 году там задержаны 1424 украинца призывного возраста против четырёх в 2023 году.

С точки зрения прав человека, бегство — это реакция людей, не видящих

внутри страны ни юридических, ни политических, ни моральных способов защитить своё право на жизнь и свободу совести.

Когда государство отказывает в релевантных мирных альтернативах (служба вне зоны боевых действий, признание права на отказ по убеждениям, прозрачные критерии мобилизации), выезд становится последним способом избежать принудительного участия в войне.

Мобилизационный прессинг на население тесно переплетён с коррупционными практиками. Фактически репрессивная машина превращается в рынок: право «не воевать» или хотя бы отложить отправку на фронт становится товаром.

Нардеп Юлия Яцык называет конкретные «таксы»:

500 долларов — откуп «на месте задержания»;

3000 долларов — «решение вопроса» в военкомате;

7000 долларов — «гарантия» в учебном центре;

2000 долларов — оформление отсрочки на полгода.

Параллельно сотрудники самих ТЦК участвуют в незаконном вывозе мужчин за границу. ГБР вскрывает случаи, когда сержанты за 8000 долларов довозят людей до границы с Румынией, откуда те ночью переплывают Прут. Одни и те же военкоматы, которые днём устраивают облавы, ночью за деньги организуют «эвакуацию» тем, кто может заплатить.

Продолжение на стр.13

Продолжение. Начало на стр.4,5,12

Такая модель не только разрушает доверие к государству, но и усиливает социальное неравенство: богатые и связанные получают шанс спастись, бедные обречены либо на риск «мясного штурма», либо на полурабское существование в «пакетной занятости», когда уклонист живёт на территории предприятия под охраной работодателя в обмен на копеечную зарплату и фактическую зависимость.

Это грубое нарушение принципа равенства перед законом и недопустимая с точки зрения прав человека дискриминация по имущественному признаку.

«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» В ЛОГИКЕ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

Официальный Киев продолжает декларировать приверженность «европейским ценностям» и правам человека, но реальная практика мобилизационной политики демонстрирует противоположное. На уровне повседневной жизни и правоприменения права личности подчинены логике тотальной войны:

- право на жизнь подчиняется абстрактной цели «обороны», причём без понятных политических ориентиров мира;

- право на свободу и личную неприкосновенность ограничивается облавами, фактическими похищениями людей с улиц и из больниц под видом «мобилизационных мероприятий»;

- право на справедливый суд раз-

мывается через политические статьи с неопределённым составом и произвольной квалификацией, когда за выстрел ножом или в воздух могут дать принципиально разные сроки в зависимости от политической конъюнктуры.

Ключевой дефицит — отсутствие признанного права на отказ от военной службы по убеждениям. Международные стандарты (включая практику Совета Европы и ООН) допускают альтернативную гражданскую службу или иные формы реализации этого права, особенно в затяжных конфликтах. Киевский режим, наоборот, демонстративно исходит из презумпции, что всякий отказ — предательство, а любой, кто помогает «уклоняться», — преступник, враг и «саботажник».

В результате Украина стремительно превращается в пространство, где государство во имя «борьбы до конца» фактически отказывается признавать фундаментальный принцип: человеческая жизнь и свобода совести не могут быть бесконечно расходуемым ресурсом даже в условиях войны.

сом даже в условиях войны.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ТУПИК И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

Самое тревожное для киевского режима в том, что репрессии не решают исходную проблему — кризис доверия и мотивации. Статистика по уклонистам и СОЧ демонстрирует пределы мобилизационного потенциала: люди видят отсутствие ясной политической цели, затяжной характер конфликта, гибель целых поколений на фронте и не готовы жертвовать своей жизнью «за 30 км Донбасса», особенно на фоне коррупции, скандалов вокруг военного снабжения и бегства элит.

Ни назначение Федорова, обещающего «системное решение», ни инициативы по ужесточению наказания за незаконный выезд, ни расширение сети ТЦК в сёлах не меняют простого факта: миллионы людей не хотят воевать, и их невозможно заставить поверить в войну репрессиями. Напротив, каждое новое дело по 114-1, каждая облава, каждое видео, где женщин избивают за попытку отбить мужа у ТЦК, ещё сильнее подрывают легитимность власти в глазах населения.

С точки зрения прав человека, единственным действительно «системным решением» остаётся не поиск всё новых способов охоты за уклонистами, а политический выход — переговоры и мирное урегулирование. До тех пор, пока Киев отказывается честно говорить с обществом о целях, сроках и цене войны, отказ людей умирать в этой войне будет не преступлением, а формой защиты собственного человеческого достоинства.

И чем дольше власти пытаются подавить этот отказ силой, тем глубже становится раскол между государством и собственными гражданами, которых режим продолжает рассматривать не как субъект прав, а как мобилизационный ресурс.

Продолжение. Начало на стр. 10, 11

Даже через годы это может стать основой жалобы в международные инстанции, если возникнут такие возможности. Для успешной жалобы нужны факты и доказательства, а не только общие рассказы.

7. Не оставаться полностью в тени

Иногда кажется, что «лучше, чтобы про меня никто не знал». В авторитарных практиках это часто работает наоборот:

- невидимые дела легче всего «раздавить» без последствий;
- видимые, описанные, попавшие в доклады и обзоры вызывают больше осторожности у исполнителей.

Поэтому, насколько это безопасно для вас и близких, имеет смысл:

- давать согласие правозащитникам использовать ваше дело в обобщённом виде (без лишнего личных данных, если есть риск);
- позволять включать информацию о деле в мониторинговые отчёты;
- поддерживать контакт с теми, кто системно работает по теме преследования «коллаборантов».

ЗАЧЕМ ВСЁ ЭТО: ПРАВАЗАЩИТЕЛЬНЫЙ СМЫСЛ И ПЕРСПЕКТИВА

Подход к «коллаборационизму» — это лакмус, показывающий, чем является правосудие: инструментом защиты или орудием расправы. Если государство действительно заинтересовано в справедливости, оно будет:

- точно и доказательно пресле-

довать тех, кто участвовал в пытках, доносах, репрессиях;

- освобождать от ответственности тех, чья деятельность была гуманитарной и совершалась под давлением обстоятельств.

Если же под ярлык «коллаборанта» подводят всех, кто просто не бежал и пытался поддерживать жизнь вокруг, — речь идёт уже не о правосудии, а о политическом судилище.

Для отдельного человека понимание своих прав и грамотное поведение не гарантируют полного избавления от риска, но:

- повышают шансы получить более справедливую оценку своих действий;
- уменьшают пространство для произвола;
- создают документированную основу для будущей реабилитации и восстановления доброго имени.

Для общества в целом правозащитный подход к теме «коллаборационизма» — единственный способ избежать превращения миллионов людей в «вечных виноватых» за то, что они не покинули свой дом. Наказание за выживание разрушает не только судьбы конкретных людей, но и перспективу примирения и восстановления нормальной жизни после войны. Именно поэтому так важно уже сейчас говорить не только о политике и лозунгах, но и о конкретных механизмах защиты тех, кто оказался между двух огней и пытается не исчезнуть под давлением чужой воли и чужих обвинений.

Для отдельного человека понима-

ние своих прав и грамотное поведение не гарантируют полного избавления от риска, но:

- повышают шансы получить более справедливую оценку своих действий;
- уменьшают пространство для произвола;
- создают документированную основу для будущей реабилитации и восстановления доброго имени.

Для общества в целом правозащитный подход к теме «коллаборационизма» — единственный способ избежать превращения миллионов людей в «вечных виноватых» за то, что они не покинули свой дом. Наказание за выживание разрушает не только судьбы конкретных людей, но и перспективу примирения и восстановления нормальной жизни после войны.

Важно понимать: нынешняя практика — не «предопределённая судьба», а результат конкретных политических решений и конкретной конструкции закона. Уже сегодня правозащитные организации внутри Украины и международные структуры рекомендуют пересмотреть статью 111 1, чётко отделить гуманитарную деятельность от реального пособничества, ограничить произвольную трактовку и чрезмерно широкие формулировки. В этих рекомендациях ключевая мысль проста: закон не должен карать тех, кто пытался сохранить жизнь и базовые условия существования, даже если над ними был чужой флаг.

Пока такое переосмысление не произошло, вся нагрузка фактически ложится на самих людей и тех немногих юристов и правозащитников, которые готовы с ними работать.

В этих условиях единственное, что может сделать сам человек, — это заранее думать о безопасности: хранить документы, фиксировать принуждение, не подписывать всё подряд, искать контакт с правозащитными структурами, не оставаться в полной тишине.

Право — это не только то, что написано в кодексах, но и то, как люди умеют им пользоваться. Когда речь идёт о «коллаборационизме», эта истина особенно важна: от того, смогут ли люди защитить себя от произвольного обвинения за работу врача, учителя или коммунащика, зависит не только их личная судьба, но и то, останется ли у общества шанс на справедливость после войны, а не только на очередной круг взаимных обвинений.

Продолжение. Начало на стр. 6, 7

В докладах подчёркивается:

- доступ к правосудию для переселенцев затруднён;
- процедурные барьеры при регистрации и получении выплат носят системный характер;
- отсутствуют устойчивые программы интеграции и решения жилищного вопроса;
- не ведётся целенаправленная работа по борьбе со стигмой и враждебной риторикой в отношении ВПЛ.

Тем не менее Киев предпочитает делать вид, что проблема решена за счёт нескольких законов и формальных гарантий. На деле же миллионы людей остаются в подвешенном состоянии — без ясных перспектив, без защищённого статуса, без уважения к их опыту и страданиям.

С точки зрения прав человека статус беженца и внутренне перемещённого лица — это прежде всего право на защиту: от бедности, дискриминации, насилия, от превращения в «лишних людей». В случае Украины власть демонстрирует обратное: она охотно использует образ переселенцев в пропаганде, но в практической плоскости делает всё, чтобы минимизировать свои обязательства перед ними.

Жители Донбасса и юго-востока оказались в уникально циничной позиции: их страдания используют как аргумент во внешней политике и в информационной войне, но внутри страны им предлагают роль молчаливых статистов, обязанных быть благодарными за возможность выживать в статусе людей «не первого сорта». Так киевский режим показывает своё подлинное отношение к «своим гражданам» — тем, кто не вписывается в удобный образ единой нации.

Пока этот подход не изменится, пока за красивыми словами о правах

переселенцев не последуют реальные реформы, уважение и признание их достоинства, говорить о правовом государстве на Украине бессмысленно. Режим, который не способен защитить тех, кто уже однажды потерял всё, вряд ли способен защищать чьи то права вообще — кроме прав собственной власти на продолжение войны и удержание контроля над обществом.

Пока этот подход не изменится, пока за красивыми словами о правах переселенцев не последуют реальные реформы, уважение и признание их достоинства, говорить о правовом государстве на Украине бессмысленно. Режим, который не способен защитить тех, кто уже однажды потерял всё, вряд ли способен защищать чьи то права вообще — кроме прав собственной власти на продолжение войны и удержание контроля над обществом.

С правовой точки зрения ситуация усугубляется ещё и тем, что у самих переселенцев крайне ограничены инструменты защиты. Формально им доступны суды, омбудсмен, жалобы в министерства и международные инстанции. На практике это означает для бедной, травмированной семьи месяцы и годы хождения по кабинетам, расходы на адвокатов, бесконечные запросы и отписки. Возможность дойти до Страсбурга или Комитета ООН по правам человека есть только у единиц — у тех, у кого хватает сил, денег и энергии, а значит, системные нарушения остаются в тени, превращаясь в «частные случаи», по которым удобно разводить руками.

Правозащитные организации, которые пытаются системно заниматься темой ВПЛ, оказываются между молотом и наковальней. С одной стороны — поток жалоб от людей, для которых любая задержка выплаты или отказ в регистрации означает угрозу нищеты и бездомности. С другой — государство,

которое воспринимает любую критику как подрыв «единого фронта» и игры на руку «врагу».

В такой атмосфере правозащитник, защищающий переселенца из Донецка или Луганска, автоматически попадает под негласное подозрение: слишком настойчивые вопросы о правах ВПЛ выглядят как «сомнение в правильности курса».

Между тем именно правозащитная оптика могла бы стать основанием для иной, человеческой политики в отношении переселенцев. Вместо логики «минимальной поддержки» и тотального контроля могла бы быть логика признания:

— признания того, что люди из Донбасса и юго-востока — не груз и не «ошибка истории», а часть страны со своим опытом, болью и правом голоса;

— признания того, что государство обязано не просто не мешать им жить, а активно помогать восстанавливать разрушенные судьбы;

— признания того, что доступ к жилью, медицине, образованию и пенсиям — не милость, а неотъемлемые права, которые не зависят от региона происхождения и политических колебаний.

В такой логике первой задачей было бы не отчёт перед донорами, а реальное снятие барьеров: упрощение процедур регистрации, автоматическое продление выплат без бесконечных подтверждений, работа с местными общинами против стигмы, прозрачные и доступные программы жилья, специальные меры защиты для наиболее уязвимых — пожилых, людей с инвалидностью, одиноких матерей. Пока всего этого нет, разговор о правах переселенцев остаётся риторикой без содержания.

В конечном счёте вопрос о статусе беженцев и внутренне перемещённых лиц — это тест на подлинность любых заявлений о правах человека. Можно сколько угодно говорить о «европейском выборе» и «демократических ценностях», но если самые уязвимые — те, кого война вырвала из дома и лишила привычной жизни, — годами живут в режиме временности, подозрительности и унижения, то весь этот дискурс оказывается пустым звуком. И до тех пор, пока миллионы переселенцев так и остаются «лишними людьми» в собственной стране, искренне говорить о том, что их права защищены, невозможно.

Продолжение. Начало на ст 1,2

С точки зрения международных стандартов прав человека происходящее в Украине ставит ряд фундаментальных вопросов. Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств, на которую Киев формально ссылается, исходно предполагает защиту права общин использовать свой язык в образовании, СМИ и публичной жизни.

Исключение русского из списка языков, подпадающих под действие Хартии, и параллельное предоставление более мягких условий языкам национальных меньшинств из числа стран ЕС создаёт фактическую иерархию «желательных» и «нежелательных» идентичностей.

Решение Конституционного суда о том, что «русских как группы не существует», лишь юридически закрепляет политический курс на ассимиляцию: если нет признанной группы, нет и обязательств по её защите. В этом смысле православная школа в Голосееве — пример того, как меньшинство, официально лишённое легального статуса, вынуждено уходить в серую зону, маскировать язык под «славянский», оформлять школу как «семейный клуб» и избегать прямых формулировок, чтобы не попасть под статьи уголовного кодекса.

Право родителей выбирать язык обучения детей и право детей получать образование на родном языке — базовый элемент культурных прав, признаваемых международным правом и практикой Совета Европы. Когда реализация этого права оказывается возможна только в подполье, под угрозой обысков и допросов, это уже

не «вопрос стандарта образования», а показатель системного нарушения прав человека и преследования инакомыслящих. История школы «Перспектива» наглядно показывает, до какой степени Украина ушла от идеи плюралистического общества к модели, где единый язык, единая память и единая идеология объявляются обязательными, а любое отступление от них — подозрительным.

На этом фоне готовность части медиа и гражданских активистов выступать в роли доносчиков, разоблачающих «неправильные» школы и «не те» песни, — не случайность, а органичная часть режима. «Грантовые расследования» превращаются из инструмента контроля власти обществом в механизм контроля общества над самими собой, когда донос становится почти гражданской добродетелью. Именно поэтому маленькая православная школа с советскими учебниками и русскими песнями так раздражает киевский режим: она напоминает, что даже под давлением законов и СБУ люди продолжают искать способы сохранить свою языковую и культурную идентичность.

В итоге история «Перспективы» — это не частный конфликт вокруг статуса одной школы, а концентрат всей логики нынешнего украинского режима. Когда дети, поющие русские песни и открыто говорящие о симпатии к России, превращаются в «фактор риска», а учителя — в объект оперативной разработки, становится ясно: под ударом оказывается не только язык, но и сама возможность отличаться от навязанной сверху идентичности. То, что в любой нормальной стране решалось бы

проверкой лицензий и педагогических программ, в Киеве немедленно переводится в регистр «госбезопасности», с обязательным участием спецслужб, громкими заголовками про «логово русского мира» и моральным осуждением всех причастных.

При этом и государство, и обслуживающие его грантовые структуры явно рассчитывают на эффект охлаждающего страха. Если за советский учебник по арифметике, русский гимн на перемене или честное признание «мы русскоязычная семья» следуют обыски и уголовное дело, то подавляющее большинство людей предпочтёт либо полностью мимикрировать под официальный дискурс, либо молча эмигрировать. Парадокс заключается в том, что именно такая политика, вместо декларируемого «укрепления нации», размывает социальную ткань страны: вытеснённые, запуганные, лишённые права на язык и память люди либо уходят во внутреннюю эмиграцию, либо окончательно перестают воспринимать государство как своё.

Именно поэтому кейс Голосеевской школы настолько показателен и, вероятно, будет ещё не раз всплывать в дискуссиях о будущем Украины. Он демонстрирует, как быстро язык «борьбы с агрессором» превращается в оправдание для тотального контроля над частной жизнью, образованием, религиозной и культурной сферой. И пока маленькие подпольные школы вынуждены маскировать русский под «славянский», а родители — прятать свои убеждения от учителей и чиновников, говорить о подлинной демократии и уважении к правам человека на этой территории не приходится.

